

© 1999 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

СОЦИОЛОГИЯ: ПУТИ НАУЧНОЙ РЕФОРМАЦИИ

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич - член-корреспондент РАН, главный редактор журнала.

---

25 лет тому назад, летом 1974 г., вышел в свет первый ежеквартальный номер журнала "Социологические исследования". Как радовался тогда этому событию главный редактор Анатолий Григорьевич Харчев, держа в руках свежий оттиск и гордясь этим первым периодическим изданием возродившейся науки — социологии. И в то же время огорчался, потому что не удалось убедить ни партийные, ни научные инстанции дать журналу "респектабельное" название- "Вопросы социологии", подобно журналам философов, экономистов, историков. Но несмотря ни на что, это был большой праздник. Социологи наконец-то получили то, о чем мечтали, к чему стремились.

Журнал сразу же стал местом встречи творческих сил - и не только представителей академической и вузовской науки. Уже с первых номеров достаточно мощно заявили о себе прикладные исследования, которые проводились на предприятиях, в учреждениях, городах, сельской местности. Важным направлением в деятельности редколлегии и редакции журнала стало обсуждение вечных и всегда новых теоретических проблем: предмет науки, понятийный аппарат, структура и уровни социологического знания. Особое место заняли вопросы методики и техники социологических исследований. В тех условиях, когда не было социологического образования, нужно было обучить, подготовить, помочь сотням и тысячам людей, пришедшим из других областей знания и решившим связать свою судьбу с новой, загадочной и привлекательной наукой.

Эту знаменательную дату хотелось бы отметить не столько рассказом о самом журнале, его авторах, его находках и потерях (это сделаем в заключительной части), сколько о том, какие проблемы стоят сейчас перед социологией и как они решаются в настоящее время. Судьба журнала неотторжима от судьбы социологического сообщества. Более того, журнал — часть этого сообщества, в известной степени его зеркало, активный участник теоретических и прикладных разработок актуальных проблем как самой науки, так и того общества, в котором живут социологи. Поэтому лучшее, что мы можем предложить, это проанализировать итоги пройденного пути, сосредоточиться на том, что является актуальным и значимым в настоящий период, что препятствует нашему развитию, что должно быть непременно решено, а что необходимо обсудить, чтобы направить совместные усилия на творческое освоение новых областей знания и обогащение, реформирование уже сложившихся.

Это тем более необходимо, потому что социологов в настоящее время, как никогда ранее, обвиняют в ангажированности, отходе от научных принципов, подыгрывании политическим интересам и даже в выполнении определенных заказов с

заранее "оговоренным" результатом. И это трудно опровергнуть, так как все эти проявления ангажированности и продажности достаточно явны и широко известны. Все названное - и позитивные, и негативные явления и причины - делает неотложным анализ проблем и путей научной (именно научной) реформации нашей науки.

Что изучает социология?

Чем же занимается современная социология? Произошли ли изменения в трактовке ее предмета и объекта? В каком направлении развивается социологическое знание?

На наш взгляд, сейчас изменения в социологии не могут не отражать кардинальные изменения социальной реальности. Стало иным российское общество, претерпевает колоссальные преобразования все постсоветское и постсоциалистическое пространство. Глубокие сдвиги происходят и в мире: мы являемся свидетелями таких эпохальных событий, как создание Европейского союза, эволюция коммунистического Китая, функционирование после краха СССР однополюсного мира.

В социологии происходят неоднозначные процессы. Растет число все новых областей социальной реальности, которые становятся объектами социологических исследований. Испытывают трансформацию методы и техника, появляются новые приемы получения достоверного социального знания.

В последнее десятилетие были поставлены под сомнение многие господствующие в течение длительного времени социологические концепции. Говоря словами французского социолога А. Турена, в 90-е годы в социологии главный процесс состоит в изменении предмета исследования и исследовательских ориентаций [1]. Серьезной критике подвергнут структурно-функциональный подход, который обычно связывается с именем Т. Парсонса. Эта критика, которая началась еще в рамках франкфуртской школы и продолженная французскими социологами, содержит в себе достаточно убедительные и рациональные начала: ведь структурный функционализм демонстрирует свои преимущества только в рамках стабильной, устойчивой социальной системы, которая была присуща США в 40-е годы нашего века. И усилия Т. Парсонса Л его последователей были направлены на то, чтобы поддержать эту стабильность, обеспечить внутреннее равновесие системы, предусмотреть нейтрализацию негативных факторов. То, что прекрасно работало в условиях устойчиво развивающегося общества, плохо или совсем не подходит для трансформирующихся обществ конца XX века, где социальные процессы "плывут", характеризуются чрезвычайной изменчивостью, непостоянством, отсутствием ярко выраженных тенденций. В этих условиях один из классических подходов, в рамках которого социология понималась как наука о социальных системах, почти исчез.

В определенной степени ставятся под сомнение и другие, получившие распространение социологические концепции. Претерпевают глубокую трансформацию бихевиоризм, символический интеракционизм. Не остается без изменений и феноменологическая социология. Соответственно этим процессам происходит уточнение и изменение категориального аппарата: понятия социальных институтов, социальной организации и социализации не являются более основными, центральными социологическими понятиями.

Социология находится в поиске. В последние годы приобрели особую значимость теории глобализации, постмодернизации, интеграции. Значительное место стала занимать концепция глобализации, претендующая на то, чтобы объяснить все происходящее в мире с геополитических, геоэкономических, транскультурных и т.п. позиций. В "мир-системной" модели И. Валлерстайна единицей анализа социальной реальности являются "исторические системы", связи между ними, их функционирование и изменение. В соответствии с этим он оперирует такими понятиями, как "геокультура", "модерн", "всеобщая история человечества", "равновесие систем" [2]. Не менее обстоятельно развивается модель глобальной культуры, направленная

на осмысление проблемы самоидентификации личности в условиях нарастания транснациональных тенденций в культуре. Идеи глобализации интенсивно, последовательно, глубоко развиваются Э. Тириакияном (роль глобального времени), А. Инкелесом (влияние глобальных изменений на социальные изменения их соотношение с процессами дифференциации, фрагментации и обособления социума) [3]. В нашей стране эти идеи обстоятельно разрабатываются Н.Е. Покровским, который, с одной стороны, подвергает критике претензии теории глобализации на универсальность и исключительность в создании модели современного общества, ее нескрываемый нигилизм по отношению к традиционным теориям, а, с другой стороны, считает правомерным, когда "бесспорные объективные данные, свидетельствующие о возрастании процессов социально-политической и экономической глобализации, используются для построения моделей, превращающих этот процесс в нечто сходное с превентивным конструированием самой реальности, когда социальная реальность становится продуктом порождающих технологий с их специфическими целями и движущими интересами" [4]. Всех исследователей этого направления волнуют глобальные социальные изменения, происходящие в современном мире, возможности возникновения единого мира, начала всеобщего (глобального) времени, интеграции экономик и достижения согласованного социального развития. Таким образом, можно сделать вывод, что глобализационный подход в социологии открывает новые перспективы для понимания сущности происходящих в обществе неоднозначных процессов, однако при абсолютизации этой точки зрения не исключены игнорирование или слабая проработка проблем, происходящих на локальном уровне, в рамках национальных государств и мезо- и микрогрупп.

Другая, не менее примечательная теория, отражающая поиск путей научной реформации, нашла воплощение в работах французского социолога П.Бурдьё о необходимости изучения социального поля, социального пространства и их логики развития [5]. Представляет интерес и примыкающая к этой позиции теория нового институционализма (Д. Норт, Дж. Альт, В. Ни и др.), предлагающая исследовать общество на основе анализа миллионов локальных порядков, из которых оно состоит, а также их взаимоотношений между собой и между ними и государством. Значительное место в реформации теоретико-методологических идей занимает и концепция польского ученого Г. Штомпки, считающего, что социология должна сконцентрировать свое внимание на изучении социальных изменений [6].

Однако, на наш взгляд, если, характеризовать общую тенденцию, присущую социологии в целом, то можно сказать, что происходит сдвиг исследовательских интересов в связи с осознанием значимости субъективного фактора, роли и значения человека как активного социального субъекта, под влиянием которого осуществляются основные преобразования как в макро-, так и микромире.

Эти идеи в той или иной степени исповедуются и разделяются даже упомянутыми выше представителями теории глобализации. На XIV Международном социологическом конгрессе (Монреаль, 1998) некоторые глобалисты (А. Инкелес) признавали, что процессы глобализации часто сталкиваются с противоположными процессами региональной дифференциации, национальной самобытности, культурной обособленности, неприятием идей и практики модернизации. По мнению английского социолога Д. Александра, различные уровни социологического анализа в США концентрируются на мотивах поведения индивида, его взаимоотношениях и сформированных на этой базе социальных институтах и организациях. А. Турен, продолжая подвергать критике теорию систем, настаивает на том, чтобы при анализе поведения людей выделять их наиболее активную часть - "актеров", рассматривать их намерения, ориентации и интересы определяющими сущность и содержание происходящих социальных изменений.

Что касается отечественной социологии, то ее перспективы, направленность по-прежнему в большинстве случаев связываются с исследованиями социальных процессов, социальных общностей, социальной структуры. Так, по мнению В.А. Ядова,

"социология - это наука о становлении, развитии, изменении» преобразованиях, в функционировании социальных общностей и форм их самоорганизации: социальных систем, социальных структур и институтов. Это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта; наука о социальных отношениях как механизмах взаимосвязи и взаимодействия между многообразными социальными общностями, между личностью и общностями; наука о закономерностях социальных действий и массового поведения" [7]. Несомненно, в рамках этой концепции имеются специфические подходы, совершенствуются старые, предлагаются новые трактовки. По мнению Е.Ф. Молевича, в отечественной социологии находят отражение синтетическая трактовка объекта и предмета социологии, которая сводится к области социальных взаимоотношений (Г.В. Осипов, М.Л. Руткевич, И.В. Бестужев-Лада, В.Н. Иванов), аналитическая, при которой специфическим для социологии объектом исследований объявляется не общество в целом, а отдельные фрагменты социальной реальности - социальные факты (А.Л. Кравченко), характер социальных процессов (А.Л. Комозин), потребности, интересы и ценностные ориентации (А.Г. Здравомыслов), и функциональная, в которой сочетаются черты синтетизма и аналитизма (Ю.Л. Левада, Н.Ф. Наумова, Р.В. Рыбкина) [8].

Такие подходы имеют под собой определенные основания и могут использоваться при объяснении сущности, содержания и структуры социологического знания. Но, на наш взгляд, они не всегда дают возможность вычлнить то, на что собственно и опирается социолог в своих исследованиях, особенно прикладных. Между тем, анализ реально осуществленных исследований, которые проводились, проводятся и, надеюсь, будут проводиться, показывает, что все они обращаются к сознанию людей (общественному, групповому, индивидуальному) и соответствующей деятельности - политической, экономической, нравственной, эстетической и т.д. Кроме того, исследуется поведение людей в реальных жизненных ситуациях - на производстве, в быту, в политической жизни, на основании чего устанавливается степень реализации знаний, мнений, ценностей, ориентаций и т.д., т.е. всего того, что является составляющим общественного сознания во всех его формах и проявлениях. И наконец, эти виды (формы) сознания и поведения увязываются (или должны увязываться) с теми реальными условиями жизнедеятельности людей, которые порождаются микро-, мезо- и макроуровнем [9].

Действительно, если серьезно озаботиться размышлениями о сути социологии, то ясно, что такие определения ее предмета, как "социальные процессы", "социальная структура", "социальная общность", не дают ответа на вопрос - а с чего начать, как приступить к этим социальным процессам или социальным общностям. Именно на этот вопрос не дает ответа и оппонент моей точки зрения Г.Е. Зборовский, который тоже считает, что предметом социологии должны быть социальные общности [10]. Но, во-первых, сам Г.Е. Зборовский, прежде чем охарактеризовать эти социальные общности, как практикующий социолог обращается к сознанию людей, снимает информацию о знаниях, оценках, ориентациях, а также стремится уловить те проявления поведения, которые являются продуктом, с одной стороны, реализации сознания, с другой - продуктом влияния окружающей среды. Во-вторых, Г.Е. Зборовский почему-то не обращает внимания на тот факт, что люди, прежде чем стать членами определенной социальной группы, проходят путь осознания окружающей их действительности, получают определенную информацию и дают ей оценку, соотносят свои притязания с требованиями объективного мира и только в результате этого "попадают" в ту общественную структуру, которая именуется социальной общностью. Прежде чем окончательно сформироваться, эти общности, в свою очередь, должны сложиться из элементов социального мира - личностей, людей, которые и определяют суть данного общественного явления и в этом смысле являются первоосновой, первопричиной существования всего "социального". Но главное не просто личности, люди, а их определенное общественное качество, позволяющее считать их исходной категорией социологической науки. В-третьих,

хотелось бы обратить внимание и на тот факт, что многие ученые (С.И. Григорьев, В.Э. Бойков, В.И. Верховин, П.П. Великий, Ю.М. Резник и др.), опираясь на опыт как теоретических, так и эмпирических исследований, в своих определениях предмета социологии рассматривают сознание (общественное, групповое, индивидуальное) и поведение (политическое, экономическое, правовое и др.) как основную проблему, составляющую исходную базу социологического знания. Таким образом, если выразиться кратко, социология - это наука о движущих силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества в конкретно-историческом контексте. Ведь если разобраться по существу, то социология как наука изучает не общество вообще (оно изучается и социальной философией, и историей, и юридическими и другими социальными науками), а общество в его социально-человеческом обличье. К тому же не только общество для человека, но и человека в обществе. А с чего начинается человек в своем социальном воплощении? С сознания, поведения и их постоянной корреляции в соответствии с требованиями окружающей среды, общественных отношений.

Можно, конечно, возразить, что, уделяя внимание общественному сознанию и поведению в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, исследователь субъективизирует исторический процесс. С этим трудно согласиться, так как общественное сознание и поведение в снятом виде содержат в себе характеристику всех общественных отношений, в том числе и глобальных проблем развития человечества. Поэтому исследуя данный феномен, мы реконструируем с позиций роли и влияния людей та, что происходит в социальной структуре, социальных общностях, социальных процессах как в локальных, так и глобальных масштабах. Причем, эта концепция исходит из социальной реальности, а не умозрительных (пускай и хороших) рассуждений. Именно поэтому такой подход мы называем социологией жизни.

То, что человеку, его сознанию, его поведению необходимо уделить более пристальное внимание, говорят и реальные процессы трансформации России. Гайдаровские пути осуществления рыночных реформ потерпели поражение в значительной степени в связи с тем, что модели макроэкономической стабилизации полностью игнорировали человеческий фактор, который и отомстил реформатору и его команде - вычеркнул их из числа активных и значимых политических сил.

Итак, подчеркнем еще раз, что социальные общности, социальная структура не могут быть тем первичным звеном анализа, на основании которого можно проводить социологические исследования. Таким первичным звеном выступают - что чрезвычайно важно в процессе эмпирических, прикладных исследований - реальное общественное (групповое, индивидуальное) сознание во всем его противоречивом развитии, деятельность, действительное поведение людей, которые выступают как предметное воплощение (по форме и содержанию) знаний, установок, ценностных ориентиров, фиксирующихся в живом сознании, и наконец, условия, в которых развиваются и функционируют сознание и поведение людей. Или иначе, то, что позволяет нам обозначить нашу концепцию как концепцию "социологии жизни", которая оперирует информацией о состояниях и тенденциях изменения социальной реальности в человеческом измерении.

Социологическая теория не должна ограничиваться умозрительными рассуждениями и умозаключениями. Об этом неоднократно говорил П.А. Сорокин, когда протестовал против того, что многие социологические теории "полностью лишены какого-либо фактического материала, лишены любой индукции или индуктивного подкрепления", полны, спекуляций без анализа реального положения вещей. Постановка вопроса об общественном сознании и поведении людей в конкретных социально-экономических условиях, на наш взгляд, наиболее предметно, наглядно и очевидно отражает те изменения, которые произошли в социологической теории и практике за последние четверть века как в отечественной, так и мировой социологии. Поэтому нам близка характеристика социологии П.А. Сорокиным как "науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных" [1].

Сколько может быть социологий?

История социологии свидетельствует, что по мере ее развития все больше и чаще стал употребляться термин "социология" применительно к разным общественным процессам или явлениям. Этот процесс наиболее интенсивно протекал в первой половине XX в. Особенно заметно появление новых "социологий" во времена глубоких социальных изменений. Не является исключением и нынешний период кардинальных сдвигов в жизни российского общества - мы являемся свидетелями исчезновения ил затухания социальных процессов, наполнения новым содержанием старых форм жизнедеятельности людей. Соответственно и объектом изучения социальных наук, в том числе и социологии, становятся новые типы и виды поведения людей, социальных сообществ, их взаимоотношений с окружающим миром.

Вполне естественно, что в данной ситуации появился соблазн назвать каждое новое поле исследовательского интереса не просто объектом (предметом) социологического исследования, но и употребить слово "социология" в сочетании с этим новым объектом (предметом). Но насколько оправдано такое применение, такое толкование науки? Для того, чтобы была понятна моя мысль, приведу реальный пример из практики нашего журнала, когда мы рассматривали статью с названием "социология СПИДа". Сразу же возник вопрос - а может тогда стоит говорить о "социологии туберкулеза", "социологии инфаркта" и т.п. - ведь они тоже имеют в своей основе помимо всего прочего и социальные аспекты.

Иначе говоря, где та граница, где тот предел, до которого мы можем употребить слово "социология" применительно к изучаемому процессу или явлению?

Вряд ли кто сомневается в том, что понятие "политическая социология" имеет достаточно убедительное обоснование. Политическая социология приобрела статус самостоятельного направления и включает в себя изучение взаимоотношений народа и власти, деятельности общественно-политических движений и объединений, бюрократии, электорального поведения, лоббизма и т.д. Ее развитие долгое время сдерживалось идеологическим табу на исследование данных проблем. И когда этот запрет исчез, мощный всплеск исследований проблематики политической социологии не заставил себя ждать.

Свидетельством творческого осмысления новых реальностей стало появление экономической социологии, вобравшей в себя как достижения ранее существовавших социологии труда, социологии территориальных общностей (города, села), так и ответы на новые потребности - изучение проблем занятости, безработицы, социальных аспектов приватизации, предпринимательства, профмобильности - вообще, всего того, что можно назвать социальными проблемами рынка. Уже мало кто подвергает сомнению то, что это — состоявшееся направление в социологической науке. Хотя, вероятно, дискуссии о предмете и особенностях экономической социологии будут продолжаться.

Этот перечень можно продолжить за счет новых, появляющихся областей знания (например, социология катастроф, социология конфликта).

Ну а как реагировать на желание и попытки конструировать "новые" социологии - "социология рынка", "электоральная социология", "социология войны", "социология обмена", "социология потребления", "социология страхования", "социология банковского дела" и т.п. словообразования, которые, на наш взгляд, мало или ничего не обозначают, кроме претензии провозгласить нечто особенное, отдельное, своеобразное. Никто не сомневается, что реально существуют социальные проблемы рыночных отношений, социальной работы, страхового или банковского дела. Но стоит ли при анализе и исследовании каждой новой проблемы употреблять слово "социология"? В этом я серьезно сомневаюсь. Если не поставить под сомнение этот бурный поток "социологий", то можно дойти до своего рода "дурной" бесконечности, когда к каждому слову можно приспособить термин "социология". Так можно дойти не только до "социологии обмена", но и до "социологии промтоварных

магазинов" или "социологии ресторанов". Так не далеко и до "социологии пивного бара".

Мне кажется, что сейчас повторяется болезнь, которая была нам присуща в 60-начале 70-х годов, когда тоже наблюдался бурный всплеск различных "социологий". Было острое желание подвергнуть социологическому анализу огромное число процессов и явлений, вплоть, как тогда шутили, до "социологии велосипеда". Но стоит ли каждый объект социологического исследования называть социологией?

Отказ от злоупотребления, неупорядоченного использования этого термина поднимает другие вопросы: во-первых, где тот критерий, по которому можно изучаемые процесс, явление, социальный институт сочетать со словом "социология"; во-вторых, а как же тогда их именовать, если мы не подвергаем сомнению необходимость исследования этих феноменов общественной жизни.

Что касается первого аспекта - возможности именовать "социологией" анализ иного объекта общественного бытия, то необходимо обратить внимание, что прикладная социология, исследуя огромное количество социальных объектов и "дробя" социальную реальность, не в состоянии упорядочить это многообразие. Ответ на этот вопрос дает теоретическая социология (совместно с социальной философией), которая способна выстроить достаточно строгую систему специальных социологических теорий с учетом существования основных сфер общественной жизни: экономической, социальной, политической, духовной.

Кроме того, для того, чтобы применить понятие "социология" к познанию определенного социального процесса, на наш взгляд, должен быть накоплен достаточно значительный объем социального знания, который может быть получен только в результате длительной, кропотливой и всесторонней работы по отбору и кристаллизации информации об этой специфической области. Более того, в этом социальном знании имплицитно, в снятом виде должно содержаться достаточное количество отдельных теорий, которые прошли испытание жизнью, проверены многочисленными исследованиями и в комплексе могут создать исследовательское пространство, которое можно именовать социологией. Иначе говоря, каждая "новая" социология того или иного аспекта общественного бытия должна включать хотя бы несколько самостоятельных апробированных жизнью теоретических положений, имеющих более или менее завершенный вид.

С такой трактовкой связан ответ и на другой аспект этого вопроса - как же тогда именовать новые нарождающиеся ветви социологического знания?

На наш взгляд, ответ достаточно прост. Их можно именовать социологическими теориями или преподносить как объект социологического исследования*. При таком подходе они не теряют ни своей привлекательности, ни актуальности, ни значимости, ни даже возможности в будущем получить статус социологии именно этой отрасли знания. Чем плохо звучит "социологическая теория рынка" или "страхование как объект социологического исследования"? Нам кажется, что и в том и другом случае, это звучит убедительно и ни в коем случае не отменяет (как и не преуменьшает) важности такого исследования.

Что происходит с понятийным аппаратом социологии?

Если наука живет, развивается, то, несомненно, развивается и обогащается ее понятийный аппарат, ее лексика, что выражается не только в уточнении уже устоявшихся категорий, но и в появлении новых, которые позволяют полнее, точнее, нагляднее судить о реальностях в природе и обществе, их эволюции. В 80-90-е годы социальная наука столкнулась с феноменами, или не укладывающимися в общенаучную картину социальной реальности, или связанными с неадекватностью

научно-познавательных средств, или с тем и другим. В эти годы отечественная социология пополнилась новыми понятиями, которыми она ранее не пользовалась. Это относится к уже упоминавшимся выше политической и экономической социологии, исторической социологии, этносоциологии, экологической социологии и т.д. и т.п. Часть вновь употребляемых понятий была заимствована из английского и других языков, в связи с чем некоторые из них проходили трудный путь становления и закрепления на русском языке. Так, на первом этапе термины "электоральное сознание", "электоральное поведение", когда участие в выборах стало реальной общественной проблемой (а не показухой, политическим спектаклем), долгое время ставились под сомнение. Предпринимались попытки их выразить при помощи уже существовавших в русском лексиконе слов - избирательные, выборные и т.п., что не привилось и не закрепилось из-за многозначности и неоднопорядковости данных слов. Поэтому в теории и практике постепенно все большие права обрели выражения "электоральный, электоральное".

Однако процесс становления и расширения терминологического аппарата осложняется, на наш взгляд, нововведениями, целесообразность использования которых можно поставить под сомнение.

Случай первый. Используется "птичий" язык, который ведет начало от простого заимствования иностранных слов, да еще без учета того, как это повлияет на смысловой ряд похожих слов в русском языке, к тому же имеющих другое значение. Так, например, в некоторых работах стало появляться слово "фамилика", ведущее свое начало от английского "family". Но, во-первых, на русском языке есть слово "семья" и производное от него в социологии понятие "социология семьи", которое охватывает практически все проблемы развития и функционирования этого социального института. Во-вторых, данный термин перекликается с русским словом "фамилия", имеющим совсем другое назначение и другую суть. Поэтому ассоциации с подобными терминами могут порождать только недоумение и досаду, ибо использование понятийно-категориального аппарата американской и западноевропейской социологии без учета российской специфики ведет к еще большей запутанности, неоднозначности и противоречивости при трактовке изучаемых процессов и явлений.

Или термин, который стал иногда появляться в работах, посвященных методике и технике социологических исследований - "бриколяж". Это французское слово употребляется вне связи с российской традицией, российской культурой и способно только запутать, а не прояснить, возможно, имеющую смысл реальность.

Некоторые статьи запестрели терминами, которые без труда можно заменить аналогичными русскими словами. Ну зачем, скажите, щеголять словом "паттерны", если есть вполне адекватные слова - модели, образцы, стандарты? Или "перформанс", "метонимия" и т.п. очень спорные заимствования из трудов наших западных коллег?

Удручает безапелляционное употребление без всяких оговорок такого понятия, как капитал в том смысле, в каком оно употребляется во французской социологии (как потенциал социальных, интеллектуальных и других возможностей людей) и полное игнорирование научного смысла этого слова на русском языке, употребляемого в политэкономическом значении.

Второй случай. Происходит неоправданное увлечение понятиями, которые, хотя имеют под собой реальную основу, трактуются расширительно, в результате чего они получают смысл далекий от первоначальной сути. Приведем для примера термин "элита". Данное слово, означающее качество, отборность, избранность того или иного природного или социального объекта или субъекта, девальвировано в прямом и переносном смысле: оно стало применяться ко всем без исключения людям, имеющим власть и деньги. Имеешь ты их в достаточном количестве или обладаешь определенным объемом власти - значит, принадлежишь к элите. Лишили их - ты не элита. Вот и запестрели социологические сочинения наших коллег выражениями

"политическая элита", "экономическая элита" и даже "криминальная (!?) элита", А ведь если по сути разобраться, то мы имеем дело с явлениями, кстати, уже описанными в социологии - кланами, кликами, кастами. Или что тоже вполне приемлемо: с лидерами, руководителями, олигархами. А может более логично использовать термин "establishment", что означает сильные мира сего? Да, кто имеет деньги и власть, вероятно, в самом деле сильные мира сего, но никак не элита.

Аналогичное преувеличенное и поэтому в большинстве случаев искаженное толкование получило слово "центризм". И этому способствовали не только сами политики, но и ученые, социологи в том числе. Центризм нередко трактуется, во-первых, как соглашательство; во-вторых, как нечто среднее между крайними точками зрения; в-третьих, как выражение умеренности, сбалансированности. И вот мы стали очевидцами, что центристами становятся все, кому не лень. Смешно и печально, что в этот "центр" устремились люди, которые несколько лет назад не мыслили себя под таким названием, а сейчас готовы и на "правый центр", и на "левый центр", и еще на какие-то четверть центра. Если внимательно вчитаться в декларацию наших политических деятелей, то становится очевидным, что вне центра уже практически ничего не осталось, кроме оголтелых леваков и кучки правых радикалов. Но "центристам", в том числе и в научном обличье, невдомек, что центризм - это выражение социальных позиций и интересов большинства населения, что это умение согласовывать интересы основных социальных групп общества, это и определение перспективы, на реализацию которой согласно большинство населения страны. Иначе говоря, употребляя понятия из политической или экономической лексики, социолог должен соотнести их с традицией, некоторым смыслом и той реальностью, которая нас окружает.

Третий случай. Это некритическое заимствование некоторых понятий, которые при переносе на российскую действительность могут породить (и порождают) удивительные превращения. Так, недавно была предпринята попытка (кстати, она продолжает осуществляться) внедрить в наш понятийный словарь такое понятие, как "инвайронментальная социология". Будучи порождением такого "направления", как экологическая социология или социальная экология, это понятие в западной социологии практически сконцентрировано на взаимоотношениях общества с окружающей средой, человека с природой. Но переведенное с английского как среда (environment), на русском языке оно получило иное звучание. И вот уже в журнал "СОЦИС" понесли статьи по "инвайронментальной социологии", в которых были многие элементы общественной среды - и экономические, и политические, и культурные - и почти не было того, что относилось бы к экологии, к взаимоотношениям человека с природой, окружающей средой.

Несколько тревожит и ситуация с конфликтологией вообще и социологией конфликта в частности. Эта тревога связана с тем, что конфликтом (согласно американской традиции) объявляется всякое противоречие, всякое столкновение или несогласованность во взаимоотношениях человека с обществом, организацией и даже с другим индивидом. Согласно этому подходу, мы находимся в постоянном, вечном, непреходящем конфликте. Иначе говоря, вся жизнь - конфликт. Но ведь существует европейская, в том числе и русская традиция, когда конфликтом объявляется отдельный класс противоречий, или особый уровень их выражения, а не всякое случайное и быстропроходящее столкновение интересов. Вот эта рыхлость и неопределенность трактовки конфликта, на наш взгляд, серьезно снижает ценность и значимость литературы, посвященной этому вопросу.

Определенную сложность представляет уточнение соотношения социологии со становящимися новыми дисциплинами - антропологией и культурологией, которые - не без оснований - претендуют на понятийный аппарат, используемый социологией. Но это тема отдельного разговора.

Когда же все-таки появилась социология? (Или несколько слов об истоках социологии)

Одна из статей, представленная в наш журнал, была посвящена военной социологии (термит, кстати, спорный, но уже получивший определенные права гражданства). В статье затрагивался вопрос о ее появлении. Велико было мое изумление, когда я прочитал, что оказывается в древнекитайской армии, несколько тысячелетий назад, вовсю действовали социологи, изучая проблемы взаимоотношений военачальника и воинов. Это, конечно, курьезный случай, но далеко ли ушли от него те исследователи, которые считают, что социология во всю развивалась в древней Греции, древнем Риме, средневековой Европе. Не путают ли уважаемые коллеги факт изучения и исследования социальных проблем как таковых (а они, несомненно, были и в древности) с самой наукой, которая была связана с объективными тенденциями Нового времени. Конт был лишь символической фигурой, значение которой связано с констатацией в науке факта возникновения в результате великих буржуазных революций новой объективной реальности: человек, подчеркиваю, каждый человек стал субъектом исторического процесса. Буржуазные революции и особенно французская провозгласили и положили начало реализации принципиально нового социального положения каждого человека в обществе, чего не знала история до этого времени. Именно в этот период каждый человек в потенции стал претендовать на то, чтобы быть творцом истории. Другое дело, что это требование не было в полной мере реализовано как тогда, так и сейчас, хотя масса сознательно участвующих в историческом процессе значительно выросла. И вот именно это изменение положения человека (что не знало ни одно предшествующее капитализму общество) и стало той объективной основой, когда потребовалось принципиально новое объяснение места человека в обществе, его взаимоотношений с обществом. Эта объективная потребность и породила новую науку - социологию.,

Но нельзя безапелляционно утверждать, что и отдельные направления социологического знания родились вместе с самой социологией. Поэтому весьма сомнительно, например, что политическая или экономическая социология уже существовали в XIX или в начале XX века. Перечень попыток увидеть сегодняшние идеи в прошлом без всяких оговорок лишь подчеркивает ограниченность и недостаточную профессиональную подготовку "социологов в древнекитайской армии". Поэтому, на наш взгляд, правы те исследователи, которые говорят о генезисе идей, о предыстории как социологии, так и отдельных ее направлений. И торопливость вряд ли здесь уместна. Более того, она наносит гораздо больший ущерб для дальнейшего конституирования социологии как науки, ибо создает ей имидж всезнайки, претендующей на то, что могло появиться только в ходе мучительного противоречивого процесса познания и развития.

К этой проблеме примыкает еще один факт - стремление максимально расширить историю социологии за счет открытия новых имен. Конечно, нам стоит еще раз обратить внимание на тех мыслителей, которые в той или иной форме стремились ответить на волнующие социальные вопросы, причем используя при этом имеющийся в то время аппарат социологической науки. Действительно, нужно обратить внимание на имя Д.А. Столыгина, написавшего "Начала социологии", в которых он пытался осмыслить с позиций социологии исследуемые им процессы и явления. Остается не исследованным научное наследие А.М. Богдашова и его труд "Деревня (1917-1927)", в котором сосредоточен удивительный по своему богатству социологический материал. Есть и другие не менее уникальные, но забытые имена. Но когда объявляют социологами всех ученых XIX и начала XX веков, которые, будучи экономистами, историками, правоведами, изучали социальные проблемы общества как таковые с позиции своих наук, то вряд ли это можно признать разумным и справедливым. Если следовать этой логике, то каждого представителя социальных наук следует называть социологом, ибо ни один из них не

может в своих сочинениях не касаться социально-экономических, социально-политических или социально-культурных проблем. Но является ли это достаточным основанием, чтобы называть их социологами?

На наш взгляд, есть и другая сторона этой проблемы - преемственность. Возрождение традиций русской социологии с учетом новых исторических реалий, накопленного теоретического знания и опыта эмпирических исследований - это огромный потенциал для развития современной отечественной социологии и особенно той ее стороны, которая связана с обращением к человеку как творцу, как активному участнику всех преобразований в обществе.

Некоторые итоги работы журнала

В заключение хотелось бы остановиться на некоторых вехах в развитии социологии и их отражении на страницах журнала "Социологические исследования" за последние четверть века.

Уже упоминалось о том, что с первых шагов особую актуальность для отечественной социологии приобрели теоретико-методологические проблемы, связанные с дискуссиями об объекте и предмете социологии, об уровнях социологического знания, о новых парадигмах в развитии науки. Эти дискуссии, состоявшиеся в середине 70-х, в первой половине 80-х и в начале 90-х годов, во многом способствовали уточнению позиций по этим основополагающим проблемам. Выступления Г.В. Осипова, М.Н. Руткевича, А.Г. Здравомыслова, А.Г. Харчева, В.А. Ядова, А.Н. Комозина, А.В. Кабыца, автора этой статьи были направлены на поиск и обоснование адекватного реальности научного аппарата, средств и методов познания, выявления нерешенных проблем.

В первые десять лет журнал уделял большое внимание прикладным исследованиям, проблемам социального развития производственных коллективов. Уже с первых номеров журнала мощно о себе заявили социологические (социальные) службы предприятий. Наряду с теми, кто ранее работал на производстве, а потом пришел в науку (С.Ф. Фролов, Б.Г. Тукумцев, В.Г. Васильев, Р.Х. Симонян), в эти годы начинали свою деятельность непосредственно на производстве видные социологи А.К. Зайцев, В.И. Герчиков, Б.И. Максимов, В.В. Щербина, В.В. Чичилимов, Ю.Л. Неймер и многие другие энтузиасты соединения возможностей социологии с решением практических задач. В эти годы многое для решения прикладных проблем производства и территориальных общностей (города, села) сделали школы Н.А. Аитова (Уфа), Л.Н. Когана (Свердловск), З.И. Файнбурга (Пермь), Е.А. Якубы (Харьков) и их учеников.

С первых шагов журнала на его страницах прозвучали идеи различных социологических школ - промышленной социологии (В.Г. Подмарков), теоретической социологии (Ю.Л. Давыдов), социологии образования (Ф.Р.Филлипов), этносоциологии (Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижеева), экосоциологии (О.Н. Яницкий, И.А. Сосунова), демографии (Л.Л. Рыбаковский), военной социологии (Н.Н. Ефимов, Ю.Л. Дерюгин, В.В. Серебрянников), чьи концепции продолжали свое существование и развитие все эти четверть века. В становление журнала внесла крупную лепту ленинградская школа социологии - В.А. Ядов, О.И. Шкаратан, Б.М. Фирсов, Б.З. Докторов, С.И. Голод, И.А. Голосенка. Видную роль в развитии и освещении новых проблем сыграли новосибирские социологи - Т.Н. Заславская, В.Л. Шубкин, Р.В. Рывкина, В.И. Бойко, Е.Г. Антосенков, В.Н. Турченко, В.Э. Шляпентох, Л.Г. Борисова и др.

В 70-80-е годы особое место как в развитии социологии и в отражении новых идей на страницах журнала сыграли национальные сообщества Белоруссии (Г.П. Давидюк, Е.М. Бабосов, Г.Н. Соколова), Украины (В.И. Волович, В.И. Паниотто, Л.В. Сохань, ИМ. Попова), Эстонии (М.Х. Титма), Литвы (А. Матуленис, Ю. Леонавичюс), Грузии (З. Моргу нас), Молдавии (А.И. Тимуш, Н.В. Цуркану), Грузии (А.А. Габияни), Киргизии (К. Исаев), Туркмении (М. Атаджанова), Армении (Л.А. Арутюнян, Г.А. Погосян).

Журнал поддерживал контакты с коллегами из зарубежья, особенно из стран Восточной Европы. В эти годы были опубликованы работы Н. Яхиела, С. Михайлова, П. Митева, В. Момова (Болгария), В. Веселовского и Я. Щепаньского (Польша), К. Кульчара (Венгрия), К. Рихтаржика (Чехословакия), М. Лазера (Румыния) и др.

В течение всех этих лет журнал постоянно возвращался к актуальным и жизненным проблемам социальной структуры (М.Н. Руткевич, З.Т. Голенкова, Э.В. Клопов, Л.А. Гордон, О.И. Шкаратаи), общественного мнения (Б.А. Грушин, М.К. Горшков, В.С. Коробейников, Б.М. Фирсов, Ф.Э. Шереги, Р.К. Сафаров), социологии права и отклоняющегося поведения (В.Н. Кудрявцев, Д.А. Керимов, В.П. Казимирчук, В.В. Лапаева, Г.Г. Заиграев, Б.М. Левин, Я.М. Гилинский), социологии молодежи (И.С. Кон, В.Т. Лисовский, В.И. Чупров), общественных организаций и движений, в т.ч. и национальных (Н.Н. Бокарев, М.С. Джунусов).

Журнал стремился поддержать новаторские идеи. Об этом говорят публикации В.М. Якушева о деятельности системы "Пульсар" на львовском объединении "Электрон" (1977, № 3), СМ. Железко о проблемах Байкало-Амурской магистрали (1980, № 1), Ю.Р. Вишневецкого и Г.Н. Кареловой о молодежных жилищных кооперативах (1985, № 1), И.Т. Левыкина о проблемах социалистического образа жизни (1981, № 1), В. Д. Шапиро о социальных проблемах пенсионеров. Эти и многие другие публикации в той или иной мере были провозвестниками перестройки - вернее, неотложных изменений в развитии советского общества. С ее началом журнал не сразу начал публикации анализа новых проблем - потребовалось время, чтобы их осмыслить, изучить и сделать определенные выводы. Но уже во второй половине 80-х годов появились ранее запретные темы - о забастовках в СССР (1989, № 1), об альтернативных профсоюзах (1990, № 2), о политической социологии (1990, № 9). В эти годы были поставлены глубокие теоретические вопросы - о роли социологии в ускорении развития советского общества (Т.Н. Заславская, 1987, № 2), о сравнительном анализе уровней развития союзных республик (М. Титма, Ю. Понтер, 1987, № 6), об экономическом сознании (1988, № 3), о социальных аспектах экономических экспериментов (начиная с 1986, № 1).

С конца 80-х годов, когда главным редактором стал А.В. Дмитриев, в проблематике журнала появились совсем новые ранее неизвестные отечественной социологии темы - об электоральном поведении (В.С. Комаровский, А.В. Дмитриев, Е.Г. Андриюченко, Н.И. Бетанели), о предпринимательстве (Н.И. Дряхлое, Л.В. Бабаева, К.И. Микутьский, В.А. Чередниченко, Э.Н. Фетисов и др.): В этих публикациях предпринималась плодотворная попытка, с одной стороны, измерить глубину и масштабность происходящих изменений, с другой, критически отнестись к тому, что назревало и в теории и в практике социологических исследований.

В 90-е годы в жизнь журнала прочно вошло обсуждение проблем экономической социологии и ее таких специфических объектов исследования, как безработица, занятость, бедность, проблемы приватизации. Получили освещение такие новые темы, как проблемы ценностей (Н.И. Лапин), социологии катастроф (Е.М. Бабосов, В.М. Щавель), новых концепций в социологии: глобализации (Н.Е. Покровский), пост-модерна (В.П. Култыгин), устойчивого развития (В.К. Левашов, Р.Г. Яновский), исторической социологии (Н.В. Романовский, А.М. Черных и др.), политических и экономических лидеров (О.В. Крытановская, Н.С. Слепцов, В.Э. Бойков), международных сравнительных исследований (В.О. Рукавишников), новых исследовательских процедур (Н.Н. Козлова, Н.А. Бутенко, О.М. Маслова, Ю.Н. Толстова, Г.Г. Татарева и др.), гендерных исследований (Г.Г. Силласте, Г.И. Осадчая). По-новому были поставлены некоторые проблемы теоретической социологии (Ю.Н. Давыдов), культуры (Л.И. Ионин). Иначе говоря, журнал постоянно находился в поиске и поддержке новых идей, соблюдения преемственности и традиции отечественной социологии, что естественно было связано с расширением публикаций из истории российской социологии (работы И.А. Голосенко, Е.М. Кукушкиной).

И, наконец, хочется сказать о членах редколлегии, которые своей бескорыстной помощью в течение многих лет стремились помочь журналу в его работе. Напомню, что в первый состав редколлегии входили Г.М. Андреева, Ю.Е. Волков, А.Г. Здравомыслов, Т.И. Заславская, Л.Н. Коган, В.Д. Патрушев, В.И. Староверов, М.Л. Руткевич. В дальнейшем в соответствии с академическими требованиями редколлегия неоднократно обновлялась и в ее состав входили Г.В. Осипов, В.Н. Иванов, Н.И. Лапин, Ю.В. Арутюнян, Г.С. Батыгин, В.И. Добренков и другие известные социологи. Много лет на посту ответственного секретаря плодотворно работал В.А. Попов.

В настоящее время, когда журнал "Социологические исследования" отмечает свой юбилей, три социологических факультета - в Москве, С.-Петербурге, Самаре отметили свой десятилетний юбилей (всего в настоящее время 53 вуза имеют факультеты, отделения, группы по подготовке социологов). В настоящее время в России существует немало исследовательских центров, среди которых как авторов журнала мы хотели бы отметить коллективы социологических факультетов С.-Петербургского (А.О. Баранове), Алтайского (С.И. Григорьев), Московского социального (Г.И. Осадная) университетов, уральских социологов (Г.Е. Зборовский, Л.Я. Рубина), Независимого института национальных и социальных проблем (М.К. Горшков), Ростовского университета (Ю.Г. Волков). И наконец мы хотели бы отметить новые имена, которые своими публикациями последних лет заставили обратить на себя пристальное внимание — В.В. Радаев (Москва), В.В. Волков и В.В. Костюшев (С.-Петербург), М.Л. Шабанова и Т.Ю. Богомолова (Новосибирск).

В заключение напомню отрадный факт: мы встречаем свой юбилей не одни, а в кругу коллег, которые вместе с нами стремятся сделать достоянием научной общественности различные теоретические и прикладные разработки социологов нашей страны - "Социологический журнал", "Вопросы социологии", "4М", "Мир России", "Вестник МГУ. Социология и политология", "Социология и социальная антропология". Особо нужно отметить журнал ВЦИОМ "Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены", который содержит уникальную информацию о состоянии и тенденциях изменения общественного сознания. И, наконец, рады приветствовать в эти дни коллективы наших украинских (журнал "Социология: теория, методы, маркетинг". Гл.ред. В. Ворона, Е. Головаха) и белорусских (журнал "Социология". Гл. ред. А.Н. Данилов) коллег.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии. М. 1998.
2. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // СОЦИС. 1997; № 1.
3. Култыгин В.П. Мировое социологическое сообщество на рубеже тысячелетий // СОЦИС, 1998, № 12. С. 23-24.
4. Покровский Н.Е. Глобализация: новые перспективы и новые конфликты // Трансформация социального пространства в посткоммунистических странах и новые подходы в социальных науках. Тезисы Международной конференции 25-27 сентября 1998 г. Самара. 1998.
5. Бурдьё П. Начала. М., 1994.
6. Штомпка Т. Социология социальных изменений. М., 1996.
7. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. 1998. С. 36.
8. Молевич Е.Ф. Общая социология. Уч. пособие. Ч. 1-2. Самара, 1997.
9. Тоценко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 1998. С. 45-47.
10. Зборовский Г.Е. Еще раз о реальных проблемах современной социологии // СОЦИС 1999. № 6;
11. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 534.